

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

(Отрывки из документальной повести „Подпольщики“)

ШЕЛ тяжелый для нашей Родины 1941 год. Фашистские полчища, захватив Белоруссию и Прибалтику, вышли на подступы к Москве и Ленинграду. Над Советской страной нависла смертельная опасность.

18 июля ЦК ВКП(б) вынес специальное решение «Об организации борьбы в тылу германских войск», которое дополняло и конкретизировало директиву от 29 июня. Выполняя эти указания, Ленинградский обком партии уже в июне-июле направил в районы возможной оккупации 68 коммунистов для организации подполья (в том числе в районы нынешней Новгородской области 27 человек), создал специальную оперативную тройку, которой была поручена организация партийных органов в тылу врага, партизанских формирований, а также подполья в населенных пунктах. Эту тройку бюро обкома партии поручило возглавить секретарю обкома партии Г. Х. Бумагину.

К осени 1941 года на территории Новгородской области (до июля 1944 года она входила в состав Ленинградской) уже действовало более 50-ти партизанских отрядов. Вскоре большинство из них слилось в партизанские бригады, а почти в каждом районе развернули свою деятельность подпольные организации и группы.

В новгородских и псковских лесах образовался грозный для врага фронт.

В исключительно тяжелых условиях приходилось работать партийному подполью. Многие подпольщики гибли в борьбе с врагом. На их место становились новые бойцы, которые продолжали дело погибших товарищей.

Нужно было беззаветно любить Родину, обладать неиссякаемой верой в победу, чтобы, не страшась пыток и смерти, мужественно вести неравную и беспощадную борьбу с сильным и опытным врагом. Всеми этими качествами обладали советские люди, воспитанные Коммунистической партией. Вот почему никакие репрессии и зверства фашистов не смогли сломить волю советского народа в борьбе против оккупантов.

О деятельности Волоотовской подпольной партийной организации, руководимой коммунистом Павлом Афанасьевичем Василькиным, и рассказывается в документальной повести «Подпольщики», отрывки из

которой и предлагаем читателям.

ДОЛЖИНО

ДЕРЕВНЯ Должино раскинулась на небольшой возвышенности, окруженной полями, осиновыми и ольховыми перелесками. По восточной ее окраине, петляя в густом ольшанике, тихо течет незаметная речка Северка, многоводная весной, а летом почти полностью пересыхающая. По центру деревни проходит шоссе с дорожкой. Если проехать по ней километров двадцать семь на север — попадешь в район Волот, а если направиться на юго-запад, километрах в шестидесяти выедешь в поселок Дедовичи.

До войны Должинский колхоз «Пробуждение» славился высокими урожаями, считался одним из лучших в районе. Многие завидовали должинцам: не в каждой деревне имелись школа-семилетка, магазин, клуб, почтовое отделение, недалеко — чистое, богатое рыбой озеро, а около домов — плодоносящие фруктовые сады.

А в Должино все это было.

В конце июля над селом нависла угроза фашистской оккупации. В эти дни, отражая удары 16-й армии и части сил 4-й танковой группы противника, Северо-Западный фронт медленно, с упорными боями отходил с рубежа Порхов-Новоржев к Старой Руссе и Холму. По дорогам к этим городам нескончаемым потоком двигались автомашины, телеги, шли измученные частыми боями красноармейцы, тянулись длинные вереницы беженцев из западных районов страны.

Один из таких потоков из Дно и Дедовичей двигался через Должино.

26 июля в полдень стояла нестерпимая жара. Деревня притихла, даже собаки и куры спрятались куда-то в тень. Лишь около дороги под старой ветвистой ивой сидели на скамейке двое мужчин. Это были кладовщик колхоза Егоров, мужчина лет сорока пяти, уже начинающий седеть, но еще подвижной и крепкий, и монтер Немков, моложе своего товарища лет на двадцать, среднего роста, широкоплечий, с волевыми любознательными голубыми глазами. Оба с тревогой наблюдали за движением на дороге, прислушивались к нарастающему гулу артиллерийской канонады где-то на западе.

Вот Егоров, показав рукой на дорогу, по которой брели измученные, запыленные женщины, старики и дети, тащившие за плечами туго набитые рюкзаки, мешки и сумки, проговорил: «Намучаются и потеряют все, что нажили». И, чуть подумав, добавил: «Лучше уж остаться. Как думаешь, Саша, а?»

Немков промолчал.

А на дороге показались колонна автомашин, груженых ящиками, мешками и еще чем-то, скрытым под брезентом. За автомашинами протарахтели несколько тракторов ХТЗ, тащивших на прицепах пушки.

Все они прокатили через деревню на восток, не останавливаясь.

Прошло еще минут десять, и в село вошла колонна пехотинцев, уставших, запыленных, изнывающих от жары. Когда колонна поравнялась с колодезью, стоявшим в центре деревни, раздалась команда: «Батальон. Стой!»

Колонна остановилась. Бойцы, неспеша, разошлись. Некоторые тут же у дороги залегли в тени старых ив а многие направились к колодезю. Наполнив водой котелки и фляги, бойцы, сняв гимнастерки, стали поливать с ведра друг друга на спины и головы холодной колодезную воду. Вот от колодезья, в сторону сидевших на скамейке друзей, направился загорелый мускулистый парень в выцветшей гимнастерке с двумя треугольниками в петлицах. Выбрав место под деревом, сел прямо на сухую землю и, развязав вещмешок, стал в нем что-то перебирать.

Егоров, откашлянув, вернулся к подошедшему и спросил:

—Что, уходите?

—Да, отец, отступаем, — продолжая что-то разыскивать в вещмешке, ответил сержант.

—Неужели и нашу деревню сдадите? — вырвалось у Немкова.

Сержант внимательно посмотрел на Немкова и Егорова, виновато улыбнувшись, негромко промолвил: —Пожалуй, да: танков у фрица больше, да и авиация житья не дает...

—А фашисты-то далеко? — вновь спросил Александр.

Сержант потупился, завязав вещмешок, как бы выдавил из себя: —Следом, сволочи, идут...

—Как?! — вырвалось у Егорова.

(Продолжение следует)

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

— По-дымайсь! — кричал кто-то у колодца. Солдаты зашевелились. Сержант, ничего не ответив, пошел к строящейся колонне. Затем повернулся и твердо выкрикнул: «Помоните, мы еще вернемся...» Колонна тронулась.

ВРАГ ПРИШЕЛ

...ПОСЛЕ ухода из деревни последнего батальона часть населения снялась с места. Шли в лес, тащили за собой перепуганных коров, овец и коз, несли наспех увязанные узлы и мешки с одеждой и продуктами. Торопились до ночи добраться до отдаленного участка, соорудить временное жилье для ночлега. Егоров же с Немковым остались дома.

Вечер и ночь прошли спокойно. Но утром в деревню въехали фашистские мотоциклисты. Немков, стоя у окна, из-за занавески наблюдал, как шесть мотоциклов, растянувшись цепочкой, осторожно катились по улице. Солдаты в коляске, держась за ручные пулеметы, поворачивали их то в одну, то в другую сторону, но не стреляли. Мотоциклисты, медленно проехав по деревне, скрылись за околицей. Трескотня моторов стала удаляться. Но зато с противоположного конца улицы донесся более мощный гул, от которого задрожали в рамках стекла. Это в деревню вползли тупорылые лягушачьего цвета танки. На их броне сидели автоматчики.

— Девять-десять... — считал машины Александр. Танки, переваливаясь с боку на бок на ухабах и рывтинах, медленно уползли вслед за мотоциклами. Туда же следом направлялись и автомашины с солдатами. Казалось, не будет конца этому потоку.

Но вот в той стороне, куда укатили мотоциклисты, раздался пулеметные очереди и дружные винтовочные залпы. Через минуту все стихло. Но тишина стояла недолго. Вскоре перестрелка вспыхнула с новой силой, но уже стали слыш-

ны не только ружейно-пулеметная трескотня, но и гулкие выстрелы орудий, взрывы гранат и мин. Александр поднялся на чердак, пристроился около окошечка. Стал вслушиваться в звуки боя. Через деревню откуда-то из-за леса на небольшой высоте пролетели несколько самолетов с крестами на крыльях. Их моторы угрожающе и однообразно подвывали: «Везу... Везу...» И сразу же в том месте, куда они улетели, стали раздаваться глухие взрывы бомб. А в промежутках между ними по-прежнему слышалась артиллерийская канонада и пулеметно-автоматные очереди. Вот до слуха Немкова долетело родное раскатистое «Ура!..» И ему казалось, что это «ура» раздается все ближе и ближе к деревне. Но вскоре взрывы и пулеметная трескотня заглушили этот чарующий Немкова звук.

Бой утих только к ночи...

На следующий день в Должино въехала колонна автомашин с гитлеровскими солдатами. Они остановились около двухэтажного здания школы. Расставив машины в школьном саду, выставили часовых. Солдаты сразу же распознали по деревне. Немцы бесцеремонно врвались в дома и сараи, устраивали обыски, забирали патефоны, часы, кур, гусей и поросят, а некоторые даже лазали по куриным гнездам, собирая в них яйца, а затем, гогоча и смеясь, тащили награбленное к автомашинам.

Деревня притаилась. Лишь на третий день после оккупации, немного осмелев, люди стали возвращаться из леса в деревню, выходить из домов. И то в случае крайней необходимости. Немков внимательно следил за улицей, и когда на ней не стало видно солдат, вышел из дома и направился к Егорову.

Постучал в раму.
— Тебе чего? — узнав Немкова, спросил хозяин.
— Василий, ходим в лес, посмотрим, как там после боя?..

— Ты что, рехнулся? — испуганно запритался Егоров, — там немцы. Увидят,

подумают — партизаны. Расстреляют и поминай как звали...

— Немцев там уже нет, — уверенно ответил Александр. — Слышишь, уже громыхает где-то под Руссой...

— Если ты такой храбрый — иди...

— Как хочешь, — с напускным равнодушием бросил Немков и направился к дому Еремеевых. Василий Еремеев, по-видимому, заметил Александра из окна. Не успел тот подойти к дому, как хозяин открыл дверь и пригласил зайти. Поздоровались. Еремеев был выше Немкова ростом и постарше, на его лице играла умная приветливая улыбка.

— Хочу сходить в лес, посмотреть, что там творится, — заговорил шепотом Александр, — да одному как-то бесподручно...

— Молодец что зашел, — похвалил Василий. — Я об этом же думал. Давай через огороды махнем до кустов, а там тропками, чтоб на фашистов не напороться. Согласен?

Немков утвердительно кивнул головой.

Сунув топор за пояс, Василий крикнул в дом жене: — Катя! Мы с Александром до леса прогуляемся, к вечеру вернусь...

Василий Еремеев до прихода немцев работал бухгалтером в Славянском сельпо, пользовался у односельчан большим уважением за трезвый ум, доброжелательность, готовность помочь в трудную минуту. В июле в этом же сельпо работал счетоводом и Павел Афанасьевич Васкин. Еремеев быстро сошелся с ним. Подружились. Подпольщиком стал без колебаний.

Шли через густой кустарник тропками, проложенными коровами. Вот впереди за суходольным лугом показалась знакомая роша. Но ее было трудно узнать: поредела, на макушках уцелевших деревьев почти не было листьев, уродливо торчали исковерканные взрывами высокие пни. Немков и Еремеев, стояв в кустах и ничего подозрительного не заметив, вышли на чистое место. Пер-

ред их взором предстало поле, изрытое воронками, наспех вырытыми траншеями. Огляделись, на развороченных снарядами и гусеницами танков брустверах и прямо в поле лежали вперемешку трупы красноармейцев и гитлеровцев; кругом валялись кровавые лохмотья, изуродованные винтовки и каски, несколько побитых фашистских танков безмолвно застыли неестественных позых. Один, наехав на батальонную «сорокопятку», стоял накрепившись на правый бок, другой, с распушенной гусеницей и открытыми люками, уперся лобовой броней в ствол старой березы, чуть накренил ее, а третий, обгорелый и черный, с опущенным к земле стволом пушки, стоял на окопе, как памятник прошедшему бою.

По всему было видно, что здесь прошел жаркий и жестокий бой. Но сейчас на поле не было видно ни одного живого человека. Тревожное чувство охватило пришедших. Почти рядом с ними стояла поврежденная снарядами старая высокая осина. И хотя ветра было почти не заметно, она тревожно шумела листвою — будто жаловалась на кого-то, хотела что-то рассказать...

Еремеев, заметив у близ лежащего мертвого красноармейца зажатую в руке винтовку, подошел, осторожно, словно боясь разбудить уснувшего, высвободил оружие, осмотрел. Штык был в запекшейся крови.

— В рукопашной бились, — сказал он и, окидывая поле взглядом, предложил: — Знаешь что, Саша, пробегись-ка по полю. Оружие, что найдешь, тащи сюда. А я здесь у леса пошучу. Заклинув винтовку за плечо, зашагал к роше. Подобрал три винтовки, Василий подошел к опушке и вдруг остановился: впереди на просеке показались странные люди. Двое в красноармейской форме, с котелками в руках и флягами, пристегнутыми к поясам, осторожно шли из леса к поляне. У одного правая рука была на подвязке, у второго — забинтована голова. Оба изможденные и усталые.

(Продолжение следует).

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

УВИДЕВ Еремеева, они остановились. Затем тот, у кого рука была на подвязке, с надеждой спросил: «Партизан?»

— Нет.

— А оружие?

— Оно всегда пригодится.

А вы куда идете?

— Два дня без воды... Где-то впереди речушку видели. К ней и пробираться.

— Подождите, на немцев бы вы не напорились. Они здесь рядом. Еремеев вышел из рощи, свистнул в сторону Немкова. Тот, услышав сигнал, обернулся, заметив, что Василий машет ему рукой, приглашая к себе, закинул за плечи вещмешок с патронами, взяв в охапку немецкий автомат и три винтовки, поспешил к товарищу.

— Что случилось? — складывая около куста оружие, спросил он.

Еремеев коротко объяснил, в чем дело.

— А чего тут думать, — горячо заговорил Немков. — Одного я у себя спрячу, другого ты. Поправится, будет видно, как дальше быть.

— Мы не одни, — вмешался в разговор раненый в руку, — вон в том кусту еще восемь...

— Тогда другое дело, — медленно проговорил Александр.

— Пойдемте, посмотрим, может, чем и поможем, — предложил Еремеев. Подождали к кустам. Из восьми раненых только трое могли ходить самостоятельно, остальные были в тяжелом состоянии.

Постояли, подумали.

— Вот что, товарищи, — заговорил Василий. — Здесь вы пропадете. Нужно в деревню перебраться. Народ у нас надежный, не выдаст. Кто сможет идти сам, пойдет сейчас с нами. Мы же пока одного лежащего захватим. К ночи всех остальных перенесем.

Василий вырубил две жердинки, привязал к ним валившуюся около куста плащ-палатку, получились носилки:

— Кого первого? — спросил он у бойцов.

— Возьмите Филькова, — указал раненый в руку на лежащего с перевязанной головой светлочубого красноармейца. — Это наш герой. Он против фашист-

ского танка один на один ходил... Видели на окопе сгоревший стоит? Это его работа. Но и сам не уберется.

Немков с Еремеевым осторожно уложили раненого на носилки, тихо подняли и понесли к деревне. Солдат кусал губы, но не стонал. Следом шли еще пятеро.

Вот впереди показалась Северка. Остановились на ее берегу в кустах.

— Сходи-ка, Саша, в деревню, посмотри, какая там обстановка, — предложил Еремеев. — А мы здесь подождем.

Александр осторожно, от куста к кусту, стал пробираться к задам своего двора. Вот пролез в дыру забора, прошел под яблонями к дому.

— Где ты шляешься? Тебя искали, — встретила его упреком мать.

— Кто? Зачем?

— Немцы на сходку всех сгоняли. Старостой деревни Васью Егорова назначили.

— Вот это да! — удивился Александр и спросил. — А Василий не отказывался?

— Какое там отказывался. Заверил, что оправдает доверие...

Немков подошел к окну, поглядел на улицу. На противоположной стороне дороги на скамейках сидело около десятка немецких солдат. Один играл на губной гармошке, некоторые подпевали ему непонятные песни. В конце улицы были видны прогуливающиеся с автоматами солдаты.

«Да, в деревню сейчас с ранеными показываться нельзя», — решил Александр. Он сходил в кладовую, принес две кринки молока, поставил их в продолговатую плетеную корзину, с которой любил ходить по грибы, туда же сунул буханку хлеба и чистую простыню. Затем порылся в шкафике, нашел флакон с настойкой йода, сунул в карман.

— Куда-то ты собираешься? — с тревогой спросила мать.

— Надо помочь людям. К вечеру вернусь, ты, маманя, не тревожься, — с этими словами Немков вышел во двор.

— Ну что в деревне? — спросил Еремеев, как только Александр подошел к реке.

— Придется дожидаться потемок, — и Александр рассказал, что видел и слышал.

Передав раненым продукты, простынь и настойку йода, Немков с Еремеевым, прихватив носилки, направилась за следующими ранеными. Только вошли в лес, услышали в стороне окопов треск немецких автоматов. Вскоре все затихло. Переждали. Затем крадучись поползли к роще. На краю поляны осмотрелись. Кругом ни души. Кинулись к кустам, но там их никто не встретил: четверо бойцов лежали в неестественных позах.

— Сволочи! Раненых доби-ли, — с гневом бросил Василий и медленно снял с головы фуражку.

— Сморти-ка, — взволнованно зашептал Немков, — и оружие исчезло. Я его сюда в кусты положил.

Друзья вышли на поляну, тщательно ее осмотрели. На земле были свежие следы от кованых немецких сапог, да колея от проехавших подвод. Мертвых же немцев на поле уже не было. Когда стемнело, Еремеев с Немковым пристроили раненых у надежных людей, по одному отвели к себе, разместили на чердаках и сеновалах, тяжело раненого устроили в доме Степаниды Демьяновой.

ДНЯ через два Немков встретил на улице старосту Егорова.

— Как же ты согласился? — с волнением спросил у него Александр.

— Пришлось, — уклончиво ответил Егоров, а затем запальчиво добавил. — Тебе легко критиковать. Немцы таких, как ты, не трогают.

— Почему? — удивился Александр.

— Ты при советской власти в тюрьме сидел. Я же членом правления был. А таких они не милуют...

— Подумаешь, шишка — член правления, чего испугался-то? — молвил Немков и, сплюнув, добавил: — Вот что, Василий, надо раненым помочь.

Услышав это, Егоров зауселся, быстро вынул носовой платок, вытерев им сухой лоб, скороговоркой проговорил: «Я ничего не слышал и знать не знаю...»

Продолжение следует.

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

Затем подошел к Немкову вплотную и с дрожью в голосе прошептал: «Ты слышал про Язвино?».

Немков опустил глаза. Он уже знал об этой трагедии.

— Вот то-то, — торжествующе зашлеп Егоров, — ни за понюх табака погибли люди. Сказав это, он быстро пошел прочь.

Страшная весть о расправе титлеровцев над советскими патриотами в этом селе молниеносно облетела всю округу.

Жители деревни Язвино — комсомольцы Елена Шмякова, Яков Малинин, Аня Алексеева и Иван Сорокин пошли в лесу тяжело раненого лейтенанта. Он назвался Павлом Ивановым из Ивановской области. У лейтенанта была разбита голова, перебиты пулями ноги. В ту же ночь комсомольцы принесли раненого командира в деревню, спрятали в тайном месте и принялись лечить. Девушки и парни приносили ему яйца, молоко, сметану и хлеб. Лейтенант стал чувствовать себя лучше. Но тут случилась беда. Ранним утром немецкие солдаты окружили деревню и начали обыск. То ли чей-то злой язык донес гитлеровцам о командире, то ли они случайно напали на его след, но Павла Иванова фашисты нашли. Нашли и тех, кто лечил его и кормил.

После короткого допроса лейтенант Павел Иванов, учительница Елена Алексеева и колхозники Яков Малинин, Иван Сорокин и Анна Алексеева были отведены за деревню, и там, под старыми ивами, расстреляны.

Подпольщики начинают действовать

ОДНАЖДЫ вечером Василий Еремеев услышал условный стук в окно. Вышел в коридор, открыл наружную дверь. Увидев перед собой Павла Афанасьевича Васькина, пожал ему руку и приветливо сказал: «Проходи». Повел гостя в отдельную комнату. Из дверей кухни высунулись три

светловолосые девочки. Василий ласково потрепал их по головкам и, обращаясь к жене, хлопотавшей у стола, сказал:

— Катюша! Поставь самоварчик. Да и перекусить собери.

Сели за стол. Закурили. — Как живешь? — спросил Павел Афанасьевич.

— Приспосабливаюсь. С Немковым в лес ходили, шестерых раненых красноармейцев подобрали, по сеновалам и чердакам спрятали. Лечим. Некоторые скоро поправятся. Рвутся к партизанам.

— А кто этот Немков? Я где-то эту фамилию уже слышал.

— Это наш монтер. Надежный парень.

— Постой-постой, — остановил Еремеева Васькин. — Это не тот ли Немков, который перед оккупационной районом в райвоенкомат ходил, требовал отправить его на фронт добровольцем?

— Да, тот самый.

— А почему не взяла? — Видишь ли, — замылся Еремеев, — в тюрьме он побывал. Вот и отказали.

— За что сидел?

— За драку. Вообще-то вина его небольшая, но так получилось...

— Бывает, — в раздумье промолвил Васькин и спросил: — А ты можешь за него поручиться?

— Да! — твердо произнес Еремеев. — Это наш парень. Кроме того, его старшая сестра Анна — член нашей группы.

— Хорошо. Устрой-ка мне с ним встречу.

— Здесь?

— Можно и здесь. А далеко он живет?

— Напротив. Я мигом.

— Будешь приглашать, скажи, что с ним хочет поговорить представитель Ленинградского обкома партии.

Еремеев вскоре вернулся с Немковым. Перед Васькиным стоял парень лет двадцати пяти с широкими и сильными плечами, на загорелом открытом лице его светлились любознательством голубые глаза.

Васькин подошел к Александру, здороваясь, пожал ему руку и сказал: «Я слышал, что ты спас раненых. Молодец!».

— Не я один... Мы с Ва-

силем, — смутившись, отвел Немков.

— А ведь, наверное, обиделся, когда в военкомате тебе отказали в отправке на фронт? — спросил Павел Афанасьевич.

— Да, было.

— Забудь об этом. У нас для тебя имеется более опасное и ответственное дело, чем ты просил. Не робеешь?

— А какое? — быстро и с интересом спросил Немков.

— Нам нужен смелый, надежный и дисциплинированный подпольщик. Ты согласен?

Немков потупился. А затем тихо промолвил: — Я-то с радостью, да грехи пустят ли...

— Какие грехи?

— В тюрьме сидел. Разве не знаете?

— Это за драку-то? Нам это известно. И Васькин тихо доверительно добавил: — Между нами, и я бы на твоём месте не вытерпел, заступился бы за товарища.

Немков поднял на Павла Афанасьевича сияющие благодарности глаза.

— Ну, так как? — снова спросил его Васькин.

— Я постараюсь...

— Вот и хорошо. Теперь слушай. Командиром у тебя будет Александр Иванович Иванов.

— Директор Большегневской школы? — уточнил Александр.

— Да, он. Ты должен ему беспрекословно подчиняться и без его ведома ничего на свой риск не предпринимать. Понял?

— Да.

— А семья у тебя большая?

— Сейчас мать, да племянница.

— Если потребуется переночевать, то можно у тебя остановиться?

— Конечно. Я всегда рад.

— Запомни, если я приду к тебе, то постучу вот так, — и Васькин стукнул согнутыми пальцами по столу вначале три раза подряд, а немного погодя еще два.

— А какое поручение сейчас дадите? — спросил Немков.

— Оно у тебя уже есть. Раненых надо выводить. Как окрепнут, к партизанам отправим.

— Врачу бы их показать.

— Еше бы — соседи. — Вот с Еремеевым к ней и обратитесь. Она учительница, но курсы медсестер проходила, следовательно, в медицине кое-что понимает.

Только на другой день Павел Афанасьевич ушел из Должино.

Таня

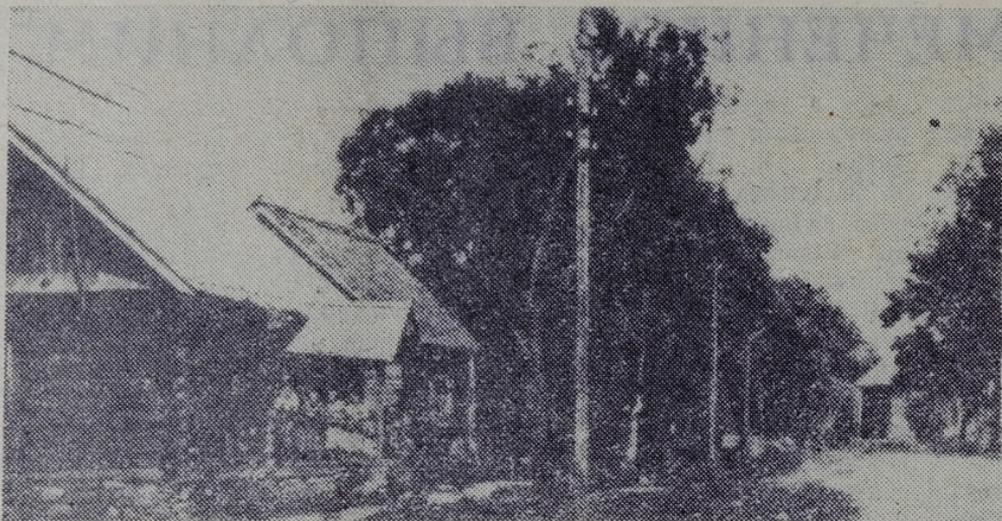
К ДОМУ Степаниды Демьяновой подошла девushка лет девятнадцати. Простое русское лицо ее было сосредоточенным и серьезным, в быстрых пронзительных глазах чувствовалась беспокойство. Девushка осмотрелась, не заметив ничего подозрительного, вошла в калитку. Это была Татьяна Ефремова. Она пришла сюда по просьбе Немкова, чтобы перевезти раненого красноармейца и очень волновалась: на курсах медсестер ей приходилось перевязывать лишь подруг условно «раненых», а вот настоящих раненых она еще не видела.

Татьяна принадеялась к той группе юношей и девушек, которые не мыслили в трудный для Родины час оставаться где-то в стороне. Как только началась война, она сразу же пришла в райком комсомола и попросила рекомендовать ее как комсомолку добровольцем на фронт. Васькин познакомился с Татьяной незадолго до прихода в район немцев. Эта серьезная девушка произвела на него хорошее впечатление. Без всякой ривоски, просто и естественно она сказала, что хочет воевать против фашистов, согласна идти на фронт хоть бойдом, хоть медсестрой. В ней чувствовалась уверенность в себе, смелость и решительность. А когда Ефремова рассказала, что она местная, но до войны три года учительствовала в Порховском районе, имеет подруг в Дно, Старой Руссе и других близлежащих городах и селах, Павел Афанасьевич без колебаний решил привлечь ее для работы в подпольной организации. Татьяна сразу же согласилась.

Таня вошла в сенцы. Здесь ее уже ждали хозяйка дома и Немков.

(Продолжение следует.)

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

На снимке (он был сделан в 1941 г.): улица дер. Должино. В доме, что на переднем плане, часто бывали подпольщики.

— ГДЕ больной? — тихо спросила девушка.

— На сеновале, — ответил Александр и пошел к лестнице, ведущей на сеновал, первым поднялся наверх. Следом поднялась и Татьяна. Огляделась. Было полутемно, пахло душистым свежим сеном. У задней стенки, под самым окном, разглядела лежавшего на полушубке человека.

Татьяна подошла к нему поближе. Перед ней лежал с закрытыми глазами молодой красноармеец лет двадцати, бледный и исхудавший. Гимнастерка в нескольких местах была порвана. Боец порывисто дышал, его лицо время от времени кривилось от боли.

— Это Петр Фильков. Он контужен, его постоянно тошнит, — начал пояснять Немков. — Да и рана на ноге загноилась, а чем помочь, не знаю...

Девушка приподняла одеяло. Увидев неумело забинтованную белой материей ногу, спросила: «Что это за бинты?»

— А что? — с тревогой спросил Немков. — Марли нет, я простынь разрезал и перевязал.

— А марлю можно достать?

— Вчера ходили в лес, несколько пакетов нашли, на вот возьми, — Немков вынул из кармана четыре индивидуальных перевязочных пакета, протянул их Татьяне.

— А медикаменты есть?

— Вот йод, порошок марганцовки, — ответил Александр.

Татьяна задумалась, затем начала осторожно развязывать раненому ногу. Боец, открыв глаза, чуть слышно прошептал: «Кто вы?»

— Медсестра, — тихо ответила Таня. — Сейчас перевяжу, станет полегче. Когда разбинтовала ногу и осторожно оторвала присохшую повязку, ужаснулась: глубокая рваная рана начала гноиться.

— Саша, — попросила девушка, — сходи-ка к Степаниде, попроси кипяченой воды, чистую литровую банку и полотенце.

— Это я сейчас, — охотно согласился Немков и, ухватившись руками за перекладину, ловко соскочил с сеновала в коридор. Вскоре он вернулся, неся чугунок с кипяченой водой, банку и полотенце. Татьяна, сделав марганцовый раствор, с помощью Немкова осторожно промыла и перевязала рану. Заметив, что на лбу красноармейца появились капли пота, и он от боли закусывает губы, сочувственно спросила:

— Больно?

— Ни-че-го, — заикаясь ответил боец. Перевязав ногу, Таня спросила раненого: «Может поесть хотите?»

— Спасибо. Я се-сыт...

— Вам нужно вылезаться, поменьше шевелиться, а подыматься с постели запрещают. — И повернувшись к Немкову, предупредила: — Бинты не выкидывай. Выстираем, прокипятим, прогладим и снова будем использовать.

Таня еще раз внимательно осмотрела раненого, поправила на нем одеяло и только сейчас рассматривала, что он вовсе не блондин, как это ей показалось вначале. Волосы у него были рыжие,

(Начало в №№ 4—6, 8)

лицо симпатичное, по-мальчишечьи задорное.

— «Рыжик», — окрестила про себя своего первого пациента Таня и, повернувшись к Немкову, спросила: «Чистое белье у тебя найдется?»

— Найду. Я и сам хотел его переодеть, да забегался.

— А теперь пойдем к следующим, — предложила девушка.

— За остальных я не очень беспокоюсь, — ответил Немков. — Но посмотреть, конечно, надо. Зайдем-ка сначала к Волковой...

В ДОЛЖИНО у старосты Егорова остановился отряд волотовских полицеев. Пьяный гомон гулявших не скрадывали стены.

В доме Василия Еремеева тоже готовилась «пирушка».

На столе стоял самовар, несколько тарелок с закуской. Когда стемнело, хозяин завесил окна одеялом, а сам вышел на крыльцо встречать «гостей». С каждым приходившим он здоровался за руку и, одарив умной приветливой улыбкой, вел в комнату, усаживал за стол. Собралось шесть человек — вся Должинская подпольная группа. Последним пришел Васькин.

Александр Иванович Иванов — коммунист, коренной местный житель. В деревне многие приходились ему родственниками или друзьями. В армию его не призвали: правый глаз был поврежден. Еще до оккупации района Васькин нашел с ним общий язык, в присутствии секретаря райкома предложил стать руководителем Должинской подпольной группы. Иванов согласился. Окинув взглядом собравшихся, Павел Афанасьевич радостно сообщил:

— Товарищи! Получено сообщение: Северо-Западный фронт перешел в контрнаступление. Фашистская оборона под Старой Руссой прорвана! Наши войска развивают наступление.

Все поднялись, радостно заулыбались.

— Сегодня мы собрались для того, — продолжил Васькин, — чтобы ответить на это событие еще большей помощью Красной Армии, партизанам. Намечен план активизации работы вашей группы, который нужно обсудить.

В целях получения своевременных и точных разведывательных данных о фашистских войсках — количестве и передвижении, складах с боеприпасами и горючим, и других сведений — предлагается закрепить за каждым подпольщиком населенный пункт, интересующие нас объекты. За Александром Немковым намечено закрепить Должинский сельсовет и железнодорожную станцию Моррино, за Александром Ивановым — станцию Волот, за Василием Федоркиным — разъезд Мяково и Дерглецкий сельсовет...

В ближайшие ночи силами группы уничтожим фашистскую линию связи, проходящую через сельсовет к линии фронта. А чтобы население сельсовета и близлежащих деревень знало правду о положении на фронтах и в нашем тылу, поручим Васильевой, Ивановой и Волковой размножить сводки.

(Окончание следует).

ЭТО БЫЛО В ДОЛЖИНО

(Окончание. Начало в №-№4-6, 8, 12)

УЧИТЫВАЯ, что партизаны нуждаются в оружии и боеприпасах, всем подпольщикам необходимо изыскивать возможности его приобретения...

План был единодушно утвержден.

Заканчивая совещание, Васькин предостерег собравшихся:

— Будьте осторожней, товарищи! Старайтесь не выделяться среди односельчан, особенно при немцах и их холодах... А сейчас можно расходиться. Уходить по одному. — Сам же подошел к Иванову, задержавшемуся у двери, спросил:

— Как Немков?

— Я им доволен.

— Вот и хорошо. Надеюсь, завтра ночью фашисты уже не будут пользоваться линией, идущей через ваш сельсовет?

— Я тоже так думаю.

Дом Василия Еремеева подпольщики покидали уже ночью.

А у Егорова все еще горел свет и раздавались пьяные голоса полицейцев.

НА ДРУГОЙ день в дом к Немкову пришел староста Егоров. Еще на пороге он заискивающе заулыбался. Поздоровавшись, вкрадчиво спросил: «Как, Сашок, живешь?»

— Живу потихоньку, — недружелюбно ответил Александр. — Тебе вот завидовать стал: вон какой пир вчера устроил. На селе только об этом и говорят...

— Не верь ты этой брехне. Я-то причем? — залепетал староста. — Это все полицейские организовали. Они и самогон, и закуску притащили...

— С какой радости загуляли-то?

— Отвальную справляли, — оглядываясь по сторонам, как бы боясь, чтобы его не подслушали, быстро зашептал

Егоров. — Полицейских уже нет в деревне. Вместе с немцами отступают к Дно. Слышал, небось, что наши под Руссою фронт прорвали, станцию Тулебля освободили, вот-вот и к нам придут.

Хотя Немков об этом уже знал, однако слушал старосту с интересом. Егоров заметил это, и, подойдя к Александру, заискивающе попросил: «Ты, Сашок, когда наши придут замолви за меня словечко. Не забудь, что я все знал о раненых-то».

Немков презрительно посмотрел на Егорова. В раздумье ответил: «Верно, выдать-то не выдал, но ведь и помочь отказался...»

От этих слов Егоров как-то сразу съезжился, сник, а затем жалобно проговорил: «Да пойми ты: семья же у меня. А от немцев только и слышишь: за невыполнение приказа — расстрел, за укрывательство партизан и красноармейцев — расстрел».

— Ладно, не скули, — оборвал его Немков. — В дальнейшем будь человеком.

До Должино доносился гул приближающегося боя.

ЗАХВАТИВ Новгород, гитлеровское командование бросило основные силы на Чудово, считая, что теперь путь на Ленинград открыт. Но именно в это время 34-я армия и часть сил 11-й армии Северо-Западного фронта при активной поддержке фронтовой и дальнебомбардировочной авиации нанесли внезапный контрудар из района юго-восточнее Старой Руссы в северо-западном направлении. К вечеру 14 августа наши войска продвинулись на этом участке почти на 60 километров, глубоко охватили правый фланг старорусской

На снимках: подпольщики Татьяна Ефремова и Александр Немков.

группировки противника и создали угрозу удара в тыл другой его группировке, вышедшей в район Новгорода.

Успех войск Северо-Западного фронта вынудил германское командование спешно перебросить из-под Новгорода и Луги в район Старой Руссы моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» и 3-ю моторизованную дивизию, а также переключить для действий в этом районе основные силы 8-го авиационного корпуса. Из района Смоленска под Старую Руссу был подтянут 39-й моторизованный корпус в составе одной танковой и двух моторизованных диви-

зий.

В последующие дни быстро менявшееся соотношение сил не позволило войскам Северо-Западного фронта развить первоначальный успех. Сказался также недостаток средств противовоздушной обороны и авиации. С трудом отражая сильные танковые и воздушные удары врага, части 34-й армии к 25 августа отошли с боями на реку Ловать, где фронт стабилизировался на многие месяцы.

...Волотовский же район оставался в руках противника еще долгие два года...